

УДК 902/904(476)“633”

**К ВОПРОСУ О ЛОКАЛЬНЫХ КУЛЬТУРАХ «СВИДЕРСКИХ ТРАДИЦИЙ»
В МЕЗОЛИТЕ ВОСТОЧНОЙ БЕЛАРУСИ**

канд. ист. наук, доц. А.В. КОЛОСОВ
(Могилевский государственный университет им. А.А. Кулешова)

Для отечественного мезолитоведения актуальным остается вопрос о характере и механизмах культурного взаимодействия, возможности возникновения и развития культур в итоге контактов древнего населения. Мезолит Восточной Беларуси рассматривался в контексте выделенных здесь в 1970 – 1980-е годы двух своеобразных локальных культур – сожской (по В.Ф. Копытину и Е.Г. Калечиц) и днепро-деснинской (по В.П. Ксензову). Генезис этих культур представлялся как результат слияния традиций кремнеобработки целого ряда культур финального палеолита и мезолита Верхнего Поднепровья, среди которых доминирующая роль отводилась свидерскому населению. Современное состояние источников, обнаружившиеся противоречия в интерпретации сожской и днепро-деснинской культур позволяют отказаться от прежнего мнения об автохтонном пути развития свидерских традиций в мезолите Восточной Беларуси.

Введение. В последние годы по мезолиту Восточной Беларуси получены новые данные [10, с. 77 – 89], используются более совершенные методы в изучении материалов. Изменился и взгляд на возможности накопленной базы источников в решении проблем освоения первобытным человеком рассматриваемой территории после окончания ледниковой эпохи. Однако до сих пор для мезолита региона проблема взаимодействия древнего населения остается вполне актуальной, и после выделения здесь своеобразных локальных культур тема культурных контактов стала предметом острых научных дискуссий. Это связано не только с тем, что один и тот же круг источников разными исследователями интерпретировался по-разному, но и различным пониманием природы его происхождения. Еще в 1970 – 1980-е годы в мезолите Верхнего Поднепровья были выделены отдельные локальные культуры «свидерских традиций», своеобразие которых подчеркивалось синтезом целого ряда финальнопалеолитических и мезолитических культур – гренской и свидерской – в составе сожской культуры позднего мезолита [6; 7; 11; 12], свидерской и лингбийской в контексте днепро-деснинских древностей [15 – 18].

Но уже в 1990-е годы среди отечественных исследователей четко обозначились явные противоречия как на уровне представлений о генезисе и хронологии выделенных культур, так и в определении самих понятий о «сожской» и «днепро-деснинской» культурах. В этой ситуации появилась необходимость в проведении всестороннего анализа и сравнительной культурно-хронологической идентификации имеющихся материалов. Изучение коллекций опорных мезолитических памятников Белорусского Посожья позволило нам в начале 2000-х годов считать выделенные культуры несостоятельными и в конечном итоге отказаться от автохтонной концепции развития мезолита Беларуси [8 – 10].

Публикация И.Н. Езепенко в первом томе энциклопедического издания «Археологія Беларусі» (2009), которая, по сути, вновь реанимировала понятие «днепро-деснинская культура» [23, с. 307], заставила еще раз обратить внимание на проблему идентификации материалов так называемых «локальных культур «свидерских традиций» и определить их место в мезолите Беларуси.

Основная часть. Появление идеи о «местном» мезолите в Восточной Беларуси было не случайным. Отказ в 1950-е годы от стадийного схематизма в представлениях о каменном веке Восточной Европы [1, с. 96 – 120], утверждение концепции археологической культуры, признание мезолита как отдельной исторической эпохи, использование более совершенных методов исследования памятников и последовавшее за этим увеличение источниковой базы потребовали от отечественных исследователей разработки региональной схемы развития мезолита. 1970 – 1980-е годы стали тем временем, когда полученный в итоге ширококомасштабных раскопок памятников материал позволил утвердить модель автохтонного развития мезолитических культур Верхнего Поднепровья на примере сожских и днепро-деснинских древностей. Их локальное своеобразие сводилось к понятию «аккультурации» (взаимодействия, взаимовлияния) традиций отдельных культурных явлений финального палеолита и мезолита, среди которых доминантой выступала свидерская культура.

Учитывая, что история изучения и круг проблем сожской и днепро-деснинской культур неоднократно освещались в литературе [6, с. 5 – 10; 7, с. 10 – 13; 8, с. 8 – 14; 9, с. 74 – 76; 11, с. 3 – 7; 15, с. 11 – 15; 18, с. 40 – 59], ограничимся краткой характеристикой материалов этих культурных явлений.

Сожская культура, по данным В.Ф. Копытина, территориально включала стоянки бассейна Сожа (Горки-2, Журавель, Клины-2, Присно), Днепра (Береговая Слобода, Новый Быхов-2, Рдица), Березины (Городок, Василевичи-2, Михайловка) и Беседи (Аврамов Бугор, Бабулин Бугор, Столбун) [11, с. 48 – 58, 64, 79 – 86; 12, с. 264 – 265]. По мнению В.Ф. Копытина, сожские древности – результат слияния двух культурных традиций раннего мезолита – гренской и свидерской [11, с. 48; 12, с. 264]. Гренские черты прослеживались в технике расщепления кремня, основанной на монофронтальном снятии пластин и отщепов с одно- и двухплощадочных нуклеусов, и отдельных типах орудий, основной заготовкой для которых был отщеп; свидерские – в формах наконечников стрел [11, с. 48; 12, с. 264]. Хронология сожской культуры, как считал В.Ф. Копытин, укладывалась в пределах VI – V тыс. до н. э., а исторические судьбы населения связывались с формированием верхнеднепровской неолитической культуры [11, с. 48, 59; 12, с. 264].

Взгляды В.Ф. Копытина на генезис и хронологию сожской культуры разделяла Е.Г. Калечиц [6; 7]. При этом исследовательница отмечала особое положение памятников Центральной Беларуси, сформированных «на основе сильных культурных импульсов свидера со свойственной ему пластинчатостью», что «дает основание для выделения в Березинском бассейне специфического явления, не получившего пока названия» [7, с. 71].

Несколько иной подход в решении проблем финального палеолита и мезолита Верхнего Поднепровья содержится в работах В.П. Ксензова [15 – 18]. На основе полученных материалов им первоначально была выделена позднемезолитическая культура, получившая название «верхнеднепровской» [14, с. 11 – 19]. Однако в конце 1980 – середине 1990-х годов В.П. Ксензов предложил новую интерпретацию материалов по мезолиту Верхнего Поднепровья в рамках *днепро-деснинской культуры*, генетические корни которой им связывались со свидерской культурой [15, с. 41 – 52, 126]. Эта «постсвидерская» культура была представлена памятниками верховьев Днепра, Восточного Полесья и Среднего Подесенья [15, с. 41 – 105, 126]. В своем развитии она прошла три этапа. К первому этапу были отнесены стоянки Яново, Дальнее Лядо, Лудчицы, Латки, Королева Слобода, Шихов, Верхи, Костюковка; ко второму – Балка-1, Бор, Залесье-4, Корост, Раска, Смячка-14А, Б, Г. Эти два этапа датировались ранним мезолитом в пределах пребореала – бореального времени [15, с. 48]. Третий этап (начало VI – конец V тыс. до н. э.) представлен стоянками Береговая Слобода, Василевичи-2, Городок-4, Красновка-1А, Тайманово, Стасевка, Взлужье, Гайшин, Горки, Замостовье, Новый Быхов-2, Рдица, Студенец [15, с. 93 – 105].

Критериями для подобного хронологического деления памятников стали характерные для каждого выделенного этапа формы наконечников стрел и облик кремневого инвентаря в целом. Если на первом этапе, как считал В.П. Ксензов, были известны в основном симметричные наконечники стрел, выполненные в свидерской или постсвидерской манере, то на втором под влиянием гренской культуры в днепро-деснинских комплексах появляются ассиметричные наконечники [15, с. 93 – 105]. Всего в материалах позднего этапа днепро-деснинской культуры В.П. Ксензовым было выделено семь типов наконечников [15, с. 95 – 96]. Кроме этого, в поздних днепро-деснинских комплексах, как считает В.П. Ксензов, встречаются вкладышевые орудия, ланцетовидные наконечники, наиболее характерные для стоянок бассейна р. Березина, пластины с затупленным краем, трапеции [16, с. 71, 74, 77; 17, с. 14; 18, с. 40 – 59].

Генетические корни днепро-деснинской культуры В.П. Ксензов искал среди памятников свидерской (иволистные и черешковые наконечники с плоской вентральной обработкой насада, концевые скребки удлинённых пропорций, срединные и ретушные резцы на пластинах, рубящие орудия с перехватом, техника расщепления, основанная на снятии пластин с двухплощадочных нуклеусов) и лингбийской (черешковые наконечники, наконечники с боковой выемкой) традиций [16, с. 82 – 83; 17, с. 15; 18, с. 56]. Основываясь на данном положении, В.П. Ксензов ставил под сомнение возможность формирования сожской культуры на базе свидерской и гренской культур и объяснял это отсутствием в Посожье свидерских памятников и малочисленностью гренских [17, с. 11].

По мнению ученого, основным типом-заготовкой для орудий труда днепро-деснинской культуры была пластина, что являлось свидерской чертой [17, с. 11 – 12, 14 – 15]. Пластинчатость особенно подчеркивалась для памятников бассейна р. Березина. И только на стоянках Посожья в качестве заготовки широко использовался отщеп. Это стало основанием для выделения В.П. Ксензовым двух локальных групп: «западной (бассейн Березины) и восточной (бассейны Сожа и Днепра)» [16, с. 77 – 78; 17, с. 15].

Нетрудно заметить, что в рассуждениях исследователей мезолита Восточной Беларуси наблюдалась попытка обоснования культурной специфики конкретной территории, которая выражалась в идее синтеза традиций ряда финальнопалеолитических и мезолитических культур. При этом для характеристики выделенных локальных культур использовались коллекции одних и тех же памятников, что вызвало некоторые недоразумения.

Первое противоречие возникло уже в самом названии культур. Оставалось непонятным: сожская и днепро-деснинская культуры – это два разных культурных явления или одно, но выраженное в разных

названиях? Понятие «сожская культура» появилось на страницах публикаций не случайно, поскольку именно в Посожье были получены достаточно выразительные коллекции, позволившие выделить и дать характеристику этому культурному явлению. Понятие «днепро-деснинская культура» в территориальном отношении было шире и охватывало не только бассейны Березины, Верхнего Днепра, Сожа, но и Средней Десны и нижней Припяти.

По мнению В.Ф. Копытина, включение деснинских материалов в состав днепро-деснинской культуры ошибочно, так как они дают яркий пример распространения геометрических микролитов, не характерных для Верхнего Поднепровья [11, с. 50 – 51]. Однако деснинский бассейн в культурном отношении проявляет многообразие [3; 5; 21, с. 28 – 35] и, как считает В.П. Ксензов, несправедливо не замечать близость кремневого инвентаря верхнеднепровских поселений днепро-деснинской культуры и стоянок типа Смячка-14. Последние им были включены в круг памятников раннего этапа днепро-деснинской культуры [16, с. 66].

Между тем Е.Г. Калечиц подвергала сомнению возможность объединения в рамках днепро-деснинской культуры различных «в геоморфологическом отношении и по насыщенности кремнем областей» [7, с. 71]. Сорокин А.Н. признает днепро-деснинскую культуру историографически несостоятельной и считает, что кремневые комплексы этой культуры смешаны [22, с. 124 – 125]. По мнению Л.Л. Зализняка, сожская или днепро-деснинская древности появились в результате взаимодействия двух культур и не являются уникальными явлениями в мезолите Верхнего Поднепровья [4, с. 230]. Смешанные памятники являются либо свидерскими, либо гренскими, в зависимости от того, какие из признаков этих культур доминируют [4, с. 230]. В этой связи Л.Л. Зализняк считает эталонную для сожской культуры стоянку Горки свидерской и датирует ее кремневый инвентарь началом пребореального времени [4, с. 229].

Представляется, что концепция формирования днепро-деснинской культуры, по В.П. Ксензову, ничего нового не предлагает и во многом является противоречивой. В противовес схеме генезиса сожской культуры В.Ф. Копытина «свидер + гренск» им была предложена своя культурологическая модель мезолита Белорусского Поднепровья, не меняющая в целом суть понятия конгломератной культуры – «свидер (на раннем этапе) + лингби (на позднем)».

Так, В.П. Ксензов считал, что свидерское население Полесья испытало «сильное влияние (*культуры лингби – А. К.*), в результате чего появляются памятники, сочетавшие в инвентаре свидерские и позднелингбийские черты» [17, с. 15]. Однако гренская культура у этого же автора возникла на лингбийской основе, что отчетливо проявляется в наличии «массивных широколиственных наконечников с толстым черешком, обработанным только по краям», и черешковых ассиметричных наконечников [17, с. 11]. Процесс заселения северных районов Верхнего Поднепровья населением лингби, считал В.П. Ксензов, «фиксируют памятники Эжяринас 16, Дярежничя 31, Глинас 6, Красносельский 5,7 и др.» [17, с. 11], которые являются «вторым генетическим компонентом» днепро-деснинской культуры [17, с. 15]. Следовательно, если происхождение гренской культуры В.П. Ксензовым выводилось из лингбийской, которая также являлась одним из генетических компонентов днепро-деснинских древностей, являлось ли обоснованным отрицание сожской культуры В.Ф. Копытина?

Обратимся к хронологии и интерпретации кремневого инвентаря памятников сожской и днепро-деснинской культуры. Нерешенность этих вопросов подчеркивается отсутствием дат, полученных с помощью естественнонаучных методов, четко стратифицированных памятников, слои которых не сохраняют органику. Поэтому единственный выход из этого положения исследователи видели в анализе кремневого инвентаря, основанном на сравнительной типологии. В качестве датирующих признаков отмечались: топография стоянок, скребково-резцовый показатель, распространение различных форм наконечников, присутствие в коллекциях незначительного количества трапещей. Обратим внимание, что соотношение скребков и резцов отнюдь не свидетельствует о возрасте памятника, а может говорить о специфике хозяйственной деятельности или специализации по изготовлению определенных типов орудий труда [7, с. 72].

Наличие наконечников типа Хинтерзее (Коромка, Горки, Журавель) и трапещей также не может являться надежным индикатором для датировки памятников позднемезолитическим возрастом. Первые происходят из нестратифицированных стоянок и, по верному замечанию А.Н. Сорокина, определяются типологически [22, с. 62]. В отношении трапещей можно заметить, что время их появления относится еще к заключительным этапам палеолита. В материалах иеневской и песочноровской культур они получают распространение в пребореальное время [4, с. 216 – 224; 5, с. 60 – 62; 13, с. 38 – 60; 24, р. 272 – 279]. По данным Л.Л. Зализняка, находки трапещей на свидерских стоянках Полесья могут свидетельствовать либо о поздних примесях, либо о раннем их появлении, поскольку в Раске и Смячке-14 они обнаружены в четких стратиграфических условиях [20, с. 92 – 93, 107].

Для ранней группы памятников, которую В.П. Ксензов датирует пребореалом – бореалом (10 300 – 8 000 лет назад), характерно, как отмечалось выше, «типологическое однообразие», которое проявляется в распространении черешковых постсвидерских наконечников [17, с. 12, 14]. Однако происхождение «второ-

го генетического компонента», отчетливо проявляющегося в комплексах позднего этапа (8 000 – 7 000 лет назад), «связано с появлением в финальном палеолите в южной части лесной зоны Восточной Европы населения культурной традиции лингби...» [17, с. 15]. И далее: «Вероятно, на рубеже плейстоцена-голоцена оно вступило в контакт со свидерским населением, проживавшем в основном на территории Полесья...» [17, с. 15]. После этого «смешанное население мигрирует на восток, в деснинский регион, где оставляет памятники ранней группы, а затем «на север, освоив к концу мезолита бассейны Сожа, Верхнего Днепра, Березины в южных и центральных частях Беларуси» [17, с. 15].

Если на рубеже плейстоцена-голоцена появляются памятники «смешанной традиции», то правомерно ли утверждение о «типологическом однообразии» кремневого инвентаря раннего этапа днепродеснинской культуры? Наглядно это противоречие отражено и в приложенных к статьям иллюстрациях [16, с. 72, 78; 17, с. 12 – 13], где вместе с «постсвидерскими» формами наконечников стрел ранней группы памятников демонстрируются «лингбийские» черешковые и «грэнские» ассиметричные с боковой выемкой, известные также в комплексах позднего этапа днепродеснинской культуры (ср., например, рис. 3: 3 – 4 с рис. 4: 3 – 4 [17, с. 12 – 13]). Не совсем понятен и тезис о «сильном влиянии населения лингби на свидерцев», которое проявляется только лишь в наличии «черешковых наконечников и наконечников с боковой выемкой» (весь остальной типологический набор связан со свидерской культурой) [17, с. 15].

Не менее противоречивой была схема формирования сожской позднемезолитической культуры, особенно относительно места и роли грэнских традиций в сложении этой культуры. Ведь сама сожская культура относилась к числу «постсвидерских культур» или «культур свидерских традиций» эпохи мезолита [7, с. 66 – 67; 11, с. 49, 54]. Кроме этого, оставалось неизвестным, какая группа памятников грэнской культуры могла стать генетическим продолжением для сожских древностей. Ведь грэнские материалы, судя по публикациям, типологически неоднородны, что признавал и сам В.Ф. Копытин. Например, кремневый комплекс стоянки Боровка ученый связывал с мезинскими традициями, а Коромку – с Межиричами и Добраничевкой [11, с. 14 – 25; 12, с. 258 – 260]. На это обстоятельство обратили внимание А.Е. Кравцов и А.Н. Сорокин, которые предположили, что на территории Верхнего Поднепровья имеются «чистые» аренбургские памятники типа Боровка и синкретические типа Коромка, сочетающие в себе аренбургские и свидерские черты, при условии источниковедческой надежности последних [13, с. 16].

Еще одно противоречие наглядно выступает, когда В.Ф. Копытин связывал формирование сожской культуры с поселениями типа Баркалабово, которые он характеризует как свидерские и сравнивает «с памятниками позднего этапа бутовской и неманской мезолитических культур, что обусловлено общей свидерской основой их формирования» [11, с. 49, 54]. Во-первых, «памятники типа Баркалабово» образовывала коллекция всего одной стоянки – Баркалабово, поэтому о выделении отдельного типа памятников здесь не может быть и речи. Во-вторых, за признанием факта выделения отдельного типа памятников признаем факт локальности свидерской культуры. В-третьих, как справедливо заметила Е.Г. Калечиц, между памятниками свидерской и сожской культур существует хронологический разрыв в две тысячи лет [7, с. 66]. А это делало не ясным: либо сожская культура сформировалась в раннем мезолите и ее материалы требовали соответствующего удревления, либо «свидерская культура продолжала развиваться на мезолитическом этапе» [7, с. 66].

Между тем Е.Г. Калечиц в решении этого вопроса приняла последнюю версию. В критическом обзоре проблем мезолита Восточной Беларуси исследовательница отмечала особое положение мезолитических памятников Нижнего Посожья, где было зафиксировано развитие свидерских традиций, особенно в бассейнах Ипути и Беседи [7, с. 66]. При этом «сильные импульсы» культурных влияний свидера доводились Е.Г. Калечиц до конца неолита, и доказывалось это присутствием постсвидерских наконечников стрел в кремневом инвентаре стоянок верхнеднепровской неолитической культуры. По этому поводу Е.Г. Калечиц отмечает следующее: «Материалы мезолитических поселений Нижнего Посожья, в отличие от расположенных севернее, несут отчетливые следы преемственности свидерской традиции кремнеобработки, которые сохранялись здесь и в неолите» [7, с. 66]. Получается, что в мезолите бассейна р. Сож существовало, по крайней мере, две локальные группы памятников: одна из них отчетливо просматривается в материалах стоянок Нижнего Посожья, другая – среди стоянок, «расположенных севернее» [7, с. 66].

Однако такое территориальное различие среди памятников свидерской традиции в низовьях Сожа и группы стоянок, «расположенных севернее», объяснялось Е.Г. Калечиц фактом давления «постсвидерцев» на местное грэнское население: «По-видимому, племена свидерской традиции (постсвидерцы), проникшие в Нижнее Посожье, на мезолитическом этапе развития расселились в бассейнах Ипути и Беседи, оттеснив местное грэнское население к северу» [7, с. 67].

Насколько возможной и реальной была экспансия «племен постсвидерцев» в бассейн р. Сож, приведшая к оттоку части аборигенного грэнского населения на север ареала, об этом, по мнению Е.Г. Калечиц, позволяют судить данные палеодемографии.

Впервые в отечественной историографии Е.Г. Калечиц попыталась провести реконструкцию демографической ситуации в каменном веке Восточной Беларуси [7, с. 163 – 167], в то же время предупредив о несовершенстве использованного ею метода подсчетов, основанного на оценке «количества биомассы, приходящейся на единицу площади, с учетом естественного прироста, не нарушающего экологическое равновесие» [7, с. 164 – 165]. И все же Е.Г. Калечиц, например, для гренской культуры в финальном палеолите определила 25 человек, составлявших одну общину, которая обитала на площади 860 кв. км [7, с. 164].

Но, буквально, через 1,5 – 2 тысячи лет, после окончания ледниковой эпохи гренское население возросло в 60 (!) раз и составило 1 500 человек или 50 общин, проживавших теперь на территории 45 тыс. кв. км [7, с. 164]. Следовательно, для того чтобы «оттеснить» гренских охотников из Нижнего Посожья, количество «постсвидерцев» в раннем мезолите должно быть или пропорционально равным, или превосходить численно. Однако это не согласуется с ранее высказанным мнением Е.Г. Калечиц о малочисленности свидерских поселений в восточной части Белорусского Полесья и Верхнего Поднепровья [7, с. 66].

Даже если признать де-факто «свидерское давление» в низовьях Сожа на местное гренское население, то становится очевидной противоречивость всей концепции формирования сожской культуры, по которой: «Синтез гренских и свидерских традиций привел к созданию сожской культуры – генетической основы верхнеднепровской неолитической» [7, с. 67].

Противоречивый характер приобрел и тезис о совпадении ареалов гренской и сожской культур. «Поскольку ядро ареала гренской культуры, – пишет Е.Г. Калечиц, – находится на территории верховий долин Днепра, Сожа и их притоков, естественно, что сменившие их поселения сожской культуры концентрируются там же» [7, с. 71]. Следовательно, площадь распространения стоянок сожской культуры должна была соответствовать прежним размерам территории обитания гренских охотников в раннем мезолите, т.е. приблизительно 45 тыс. кв. км [7, с. 164]. Но население сожской культуры, предполагает Е.Г. Калечиц, насчитывало всего 500 человек, или 15 общин, против 50 гренских, объединявших ранее около 1500 человек [7, с. 164]. Само же сожское население проживало на территории площадью всего лишь 16 тыс. кв. км [7, с. 164]. И это вновь вызывает очередной вопрос: почему 8 – 6 тыс. лет назад зона обитания и количество сожских охотников сократились в три раза, тем более что в позднем мезолите в Верхнем Поднепровье, как считали исследователи, сложились весьма благоприятные природно-климатические условия и само население сожской культуры стало более оседлым [7, с. 66]?

Удивительным является и то, что и сожская, и днепро-деснинская культуры относились к кругу культур свидерских традиций. И это несмотря на то, что генетической основой, например, сожских древностей была гренская культура (техника расщепления кремня, формы орудий труда) при сохранении *некоторых элементов* свидерской. Главным же критерием «свидерскости» кремневых комплексов стоянок Верхнего Поднепровья и Посожья являлось, безусловно, наличие в них «вплоть до развитого неолита постсвидерских наконечников стрел» [7, с. 67]. К числу «постсвидерских» относились наконечники из пластин, черешок которых, «как правило, подработаны плоской ретушью с брюшка и выделены путем двухстороннего ретуширования со стороны брюшка или противоположной ретушью со спинки и с брюшка» [7, с. 65].

Не менее парадоксальной была попытка демонстрации связи свидерской культуры с сожскими и/или днепро-деснинскими древностями. Достаточно обратить внимание на отношение исследователей к самой свидерской культуре на территории Восточной Беларуси. Незначительное число свидерских памятников (обычно указывалось три местонахождения: Яново-1, Яново-2 и Баркалабово) невольно наталкивало на мысль, что в финальном палеолите – раннем мезолите – отдельные группы свидерского населения смогли достичь только правобережья Днепра. Расселение свидерских охотников в восточном направлении, по мнению В.П. Ксензова, сдерживалось обитавшем здесь населением гренской культуры [17, с. 5 – 15]. Тогда становится непонятным, какую роль при очевидной малочисленности памятников смогла сыграть свидерская культура в формировании днепро-деснинского и/или сожского мезолита?

Даже если признать факт малочисленности свидерских памятников как результат слабой изученности этого культурного явления на территории Восточной Беларуси, что сегодня вполне очевидно [10, с. 80 – 81], то находки черешковых наконечников с плоской подтеской черешка не обязательно должны быть напрямую связаны именно со свидерской культурой. Учитывая то, что в последние годы в Восточной Беларуси стали известны памятники, на которых наконечники стрел с плоской подтеской черешка атрибутированы другими культурными явлениями эпохи мезолита (бутовская, кудлаевская), определение места свидера на этой территории в генезисе локальных мезо- и неолитических культур требует серьезного источниковедческого обоснования.

Естественно, все это осложняет решение вопроса о характере развития и влияния свидерских традиций на протяжении мезолита в Верхнем Поднепровье. И на данном этапе историографии мы, к сожалению, не располагаем тем фактическим материалом, который может позволить нам или напрямую свя-

зывать свидер с мезолитом рассматриваемого региона, или говорить об отдельной локальной группе памятников, возникшей на свидерской основе.

Возникает и другой вопрос, насколько введенные в научный оборот коллекции отвечают критериям «чистоты» и «достаточности»?

Анализ публикаций и некоторых коллекций, полученных в ходе изучения мезолитических стоянок Верхнего Поднепровья, показывает, что критике источников не уделялось должного внимания. Только в последние годы появилось несколько работ, затрагивающих проблему археологического источника для территории Верхнего Поднепровья. Смешанными, по мнению ряда специалистов, считались такие стоянки, как Аврамов Бугор, Бабулин Бугор, Гренская, Красновка-1Б, Рекорд, Речица-2, возможно, Горки, Коромка и Печенеж [11, с. 47; 16, с. 70; 22, с. 127, 141]. Культурная принадлежность некоторых поселений (Дальнее Лядо, Журавель, Криничная, Печенеж) интерпретировалась по-разному [11, с. 12, 48; 12, с. 264; 15, с. 48 – 51, 123 – 124; 22, с. 125].

Изучение коллекций опорных памятников мезолита Верхнего Поднепровья показало присутствие в их составе разнокультурных и разновременных материалов.

Данные анализа вещевого материала отдельных мезолитических памятников Восточной Беларуси отражены в таблице.

Культурно-хронологическая идентификация материалов
некоторых мезолитических памятников Восточной Беларуси (состояние источников)

Название памятника	Культурно-хронологическая идентификация материалов	
	по литературным данным	в итоге анализа коллекции
1. Береговая Слобода	СК [6 – 7; 11 – 12] или ДДК [15 – 18]	ГК (ФП); СвК (ФП); КунК; Н; БрВ
2. Глыбовка (Бабулин Бугор)	СК [6 – 7; 11 – 12] или ДДК [15 – 18]	М; Н; БрВ; РЖВ; ЭС
3. Горки	СК [6 – 7; 11 – 12] или ДДК [15 – 18]	СвК (ФП); БК (М); БрВ
4. Гренск	ГК [6 – 7; 11 – 12; 15 – 18]	ГК (ФП); СвК (ФП); БК (М); Н; БрВ; РЖВ
5. Журавель	СК [6 – 7; 11 – 12] или ГК [15 – 18]	ГК (ФП); Н; БрВ; РЖВ
6. Калинино (Чурилово)	М; Н; БрВ [7]	ПК (М); ЯК (М); Н; БрВ
7. Криничная	КудК [1; 6 – 7; 11] или БК [10; 19]	СвК (ФП); БК
8. Новый Быхов	СК [6 – 7; 11 – 12] или ДДК [15 – 18]	СвК (ФП); Н; БрВ
9. Новые Громьки (Аврамов 10. Бугор)	СК [6 – 7; 11 – 12] или ДДК [15 – 18]	СвК (ФП); КудК (М); Н; БрВ; РЖВ; ЭС
10. Нераж (Рдица)	СК [6 – 7; 11 – 12] или ДДК [15 – 18]	СвК (ФП); Н; БрВ
11. Пролетарский (Попово)	Н; БрВ [6]	БК (М); Н; БрВ
12. Романовичи	СК (М); Н; БрВ [6 – 7]	ПК (М); КК (М); ЯК (М); Н; БрВ
13. Тайманово	СК [7 – 6; 11] или ДДК [15 – 18]	ГК (ФП); СвК (ФП)

Условные обозначения: ФП – финальный палеолит; М – мезолит; Н – неолит; БрВ – бронзовый век; РЖВ – ранний железный век; ЭС – эпоха средневековья; ГК – гренская культура; СвК – свидерская культура; СК – сожская культура; ДДК – днепро-деснинская культура; ПК – песочноровская культура; БК – бутовская культура; КунК – кундская культура; КудК – кудлаевская культура; ЯК – яниславицкая культура.

Основная часть коллекций образована в результате механического смешения находок в культурных отложениях, которые стратиграфически не выражены. Например, в кремневом комплексе эпонимной стоянки сожской культуры Горки выделены материалы свидерской и гренской культур финального палеолита, бутовской культуры эпохи мезолита и среднеднепровской культуры бронзового века.

То же самое можно сказать и о находках еще одного эталонного памятника, так называемого «западного локального варианта днепро-деснинской культуры», – Береговая Слобода, на котором присутствуют свидерский и гренский комплексы финального палеолита, кундский эпохи мезолита, днепродонецкий эпохи неолита (кремневые изделия и фрагменты лепной керамики с характерной орнаментацией поверхности), среднеднепровский бронзового века. Смешанные разнокультурные материалы содержат стоянки Аврамов Бугор, Бабулин Бугор, Гренская, Тайманово и др.

Заключение. Сожская и днепро-деснинская культуры, которые ранее включались в круг памятников постсвидерских традиций, не имеют самостоятельного значения в мезолите Восточной Беларуси. В их

комплексах мы не находим подтверждения представления о «слиянии» традиций разных культур, основной из которых была свидерская [8, с. 8 – 14; 9, с. 74 – 76; 10, с. 77 – 89]. Здесь нет также каких-либо специфических, типобразующих признаков, которые могли бы характеризовать эти культурные явления как локальные. Скорее всего, если речь идет о новой локальной культуре, то прежде всего должны выступать не просто представления о заимствованиях, а идеи об эволюционном или инновационном пути развития технокомплекса нового культурного образования. И неважно, будет это сожская, днепродеснинская или другая, так называемая конгломератная, культура, состав ее находок должен отражать качественно новые технические изменения, в том числе и те, которые могли появиться в результате аккультурации традиций. Но данные археологии по финальному палеолиту и мезолиту Верхнего Поднепровья пока не дают и, вероятно, не дадут окончательного ответа на вопрос об условиях, характере и механизме культурного взаимодействия на этой территории.

На примере сожской и/или днепродеснинской культур мы имеем дело только с понятием о простом заимствовании готовых форм изделий (в первую очередь наконечников стрел), которые выполнены в абсолютно разных технологических традициях: либо свидерских, либо грениских, либо лингбийских и т.д. Кроме этого, для характеристики сожских и днепродеснинских древностей были использованы коллекции, синкретический комплекс находок которых является результатом механического смешения разнотипных и разновременных материалов, что теперь не вызывает сомнений.

Присутствие нестратифицированных памятников финального палеолита и мезолита в Верхнем Поднепровье, наличие типологически разнородных в культурном и хронологическом отношении форм кремневого инвентаря делают проблемным установление источниковедческой надежности имеющихся материалов. Значит ли это, что нам следует отказаться от возможности использования такого круга источников? Считаем, что нет, поскольку их изучение, по крайней мере, дало возможность обосновать финальный палеолит для территории Белорусского Посожья [10, с. 77 – 89]. Тот факт, что нам удалось обнаружить явление синкретизма в результате смешанности материалов, очень важен для понимания того культурного многообразия, которое сложилось на рассматриваемой территории в конце позднеледникового времени, что определяет перспективные направления будущих исследований.

ЛИТЕРАТУРА

1. Воеводский, М.В. Мезолитические культуры Восточной Европы / М.В. Воеводский // Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры АН СССР. – 1950. – Вып. XXXI. – С. 96 – 120.
2. Зализняк, Л.Л. Мезолит Юго-Восточного Полесья / Л.Л. Зализняк. – Киев: Наукова думка, 1984. – 120 с.
3. Зализняк, Л.Л. Охотники на северного оленя Украинского Полесья эпохи финального палеолита / Л.Л. Зализняк. – Киев: Наукова думка, 1989. – 176 с.
4. Зализняк, Л.Л. Фінальний палеоліт північного заходу Східної Європи / Л.Л. Зализняк. – Київ: Нац. ун-т «Киево-Могилянська Академія», 1999. – 283 с.
5. Зализняк, Л.Л. Фінальний палеоліт і мезоліт континентальної України. Культурний поділ та періодизація / Л.Л. Зализняк // Кам'яна доба України. – Київ, 2005. – Вип. 8. – 184 с.
6. Калечиц, Е.Г. Памятники каменного и бронзового веков Восточной Белоруссии / Е.Г. Калечиц. – Минск: Наука и техника, 1987. – 158 с.
7. Калечиц, Е.Г. Человек и среда обитания. Восточная Беларусь. Каменный век / Е.Г. Калечиц. – Минск: Экоперспектива, 2003. – 223 с.
8. Колосов, А.В. История изучения и проблемы историографии сожской мезолитической культуры / А.В. Колосов // Веснік МДУ імя А.А. Куляшова. – 2005. – № 4. – С. 8 – 14.
9. Колосов, А.В. Сожская мезолитическая культура: проблемы изучения / А.В. Колосов // Романовские чтения-2: сб. тр. междунар. науч. конф., Могилев, 10 – 11 ноября 2005 г.; МГУ им. А.А. Кулешова; под ред. О.В. Дьяченко. – Могилев, 2006. – С. 74 – 76.
10. Колосов, А.В. Финальный палеолит и мезолит Посожья / А.В. Колосов // Матэрыялы па археалогіі Беларусі; Нац. акад. навук Беларусі, Ін-т гісторыі. – Мінск, 2010. – Вип. 18: Даследаванні каменнага і бронзавага вякоў (Да юбілеяў У.Ф. Ісаенкі і М.М. Чарняўскага). – С. 77 – 89.
11. Копытин, В.Ф. Памятники финального палеолита и мезолита Верхнего Поднепровья / В.Ф. Копытин. – Могилев, 1992. – 86 с.
12. Копытин, В.Ф. Финальный палеолит и мезолит Верхнего Поднепровья / В.Ф. Копытин // Tanged points cultures in Europe. – Lublin, 1999. – С. 256 – 266.
13. Кравцов, А.Е. Актуальные вопросы Волго-Окского мезолита / А.Е. Кравцов, А.Н. Сорокин. – М.: АН СССР, Ин-т археологии, 1991. – 65 с.

14. Ксензов, В.П. Поздний мезолит Белорусского Правобережья Днепра / В.П. Ксензов // Советская археология. – 1986. – № 1. – С. 11 – 28.
15. Ксензов, В.П. Палеолит и мезолит Белорусского Поднепровья / В.П. Ксензов. – Минск: Наука и техника, 1988. – 134 с.
16. Ксензов, В.П. Мезолитическая днепро-деснинская культура / В.П. Ксензов // Гістарычна-археалагічны зборнік; Нац. акад. навук Беларусі, Ін-т гісторыі. – 1994. – № 5. – С. 61 – 86.
17. Ксензов, В.П. Финальный палеолит и мезолит Поднепровья Беларуси / В.П. Ксензов // Российская археология. – 1997. – № 1. – С. 5 – 20.
18. Ксензов, В.П. Мезолит Северной и Центральной Беларуси / В.П. Ксензов // Матэрыялы па археалогіі Беларусі; Нац. акад. навук Беларусі, Ін-т гісторыі. – Мінск, 2006. – Вып. 13. – 158 с.
19. Кудряшов, В.Е. К вопросу о кудлаевской культуре эпохи мезолита на Могилёвщине / В.Е. Кудряшов, О.Л. Липницкая // Дняпроўскі край: паведамленні абласной краязнаўчай канферэнцыі. – Магілёў, 1993. – С. 27 – 29.
20. Неприна, В.И. Памятники каменного века Левобережной Украины / В.И. Неприна, Л.Л. Зализняк, А.А. Кротова. – Киев: Наукова думка, 1986. – 178 с.
21. Сорокин, А.Н. Мезолит бассейнов Десны и Оки (по материалам работ Деснинской экспедиции) / А.Н. Сорокин // Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института археологии АН СССР. – 1986. – Вып. 188. – С. 28 – 35.
22. Сорокин, А.Н. Мезолит Жиздринского Полесья. Проблема источниковедения мезолита Восточной Европы / А.Н. Сорокин. – М.: Наука, 2002. – 251 с.
23. Язэпенка, І.М. Дняпра-дзяснінская культура / І.М. Язэпенка // Археалогія Беларусі: энцыкл.: у 2-х т.; рэдкал. Т.У. Бялова (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск: Беларус. энцыкл. імя П. Броўкі, 2009. – Т. 1: А – К. – С. 307.
24. Kravtsov, A.E. Concerning the dating of the yenevo culture / A.E. Kravtsov // Tanged pointes cultures in Europe. Lublin, 1999. – P. 272 – 279.

Поступила 17.05.2011

TO THE QUESTION OF THE LOCAL CULTURES OF THE “SWIDRY TRADITIONS” IN THE MESOLITHIC AGE IN EASTERN BELARUS

A. KOLOSOV

The problem of the character and the ways of cross-cultural interactions as well the problem of the origin and development of archaeological cultures in the course of ancient population's contacts are rather topical in native Mesolithic age study. These problems have been regarded in the context of two peculiar local Mesolithic age cultures which were singled out in Eastern Belarus in 1970-s and 1980-s – the Sozh culture (according to V. Kopytin and E. Kalechits) and the Dnieper-Desna culture (according to V. Ksenzov). The genesis of these cultures used to be represented as the result of the merging of flint processing traditions of a number of the final Palaeolithic and Mesolithic age cultures in the Upper Dnieper region, the dominant part belonging to the Swidry population. The present-day sources and the contradictions in the Sozh and the Dnieper-Desna cultures interpretation make it possible to deny the former idea of the autochthonous development of the “Swidry traditions” in the Mesolithic age in Eastern Belarus, this point being regarded in this article.